

©2023 Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

СМЫСЛ, СУБЪЕКТНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Тульчинский Григорий Львович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 190008 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.

Научный сотрудник.

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Российская Федерация, 236041 Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

ORCID 0000-0002-5820-7333

gtul@mail.ru

Аннотация. Смысл, осмысление и смыслообразование, субъектность как ответственное самосознание и действие образуют ядро человеческого бытия, обеспечиваемого коммуникацией. Данная работа содержит попытку ответа на вопрос: что меняют в этом ядре цифровые коммуникативные форматы. Используются концепции прагматической и глубокой семиотики, которые позволяют конкретизировать роль социально-культурных практик как интерфейсов смыслообразования, а также показать роль субъектности как источника, средства и результата смыслообразования. Систематически рассмотрены вызовы социальному и гуманитарному знанию, порожденные цифровизацией. Показательно,

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 22-18-00591) «Прагматическая коммуникация как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

что рассмотрение каждого из вызовов приводит к теме вменяемой субъектности. Так, анализ этико-правового содержания коммуникативного вызова обуславливает необходимость дальнейшего уточнения соотношения технологии контроля и личностной парресии, преодоления дисбаланса прав и ответственности. Рассмотрение политэкономического вызова выявляет факт возникновения экзистенциальной ренты и в этой связи — новых неравенств, перспектив нового расслоения социума. Метафизический вызов показывает возникновение человека-опции и субъектности «не-человеческой» — с перспективой выстраивания социальной реальности между этими двумя полюсами. Антропологический вызов открывает перспективы расслоения в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности. Таким образом, проведенный анализ показывает не элиминируемую роль субъектности как интегрального интерфейса смыслообразования и ключевого фактора прокреативности и преадаптации, которые обеспечивали и обеспечивают развитие цивилизации. Это по-новому позиционирует гуманитарное знание, запрос на него, а также ставит задачу институционализации комплексной гуманитарной экспертизы не только последствий новых технологий, но и стадий их проектирования, разработки и внедрения.

Ключевые слова: глубокая семиотика, культура, ответственность, прагмасемантика, преадаптация, прокреативность, смысл, социальная коммуникация, субъектность, ценностно-регулятивные системы, цифровизация.

Ссылка для цитирования: Тульчинский Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 73–92. DOI: 10.31857/S023620070026106-3

Исходные соображения

Смысл, субъектность и ответственность — теснейшим образом взаимосвязанные явления и концепты, ключевые для философии человека, морали и права. «Общим знаменателем», платформой реализации смысла, субъектности и ответственности является социальная коммуникация, обеспечивающая все формы социальной жизни. Поэтому обретение социальной коммуникацией цифровых форматов не только радикально меняет социально-культурные практики — от бизнеса, экономики, образования до политики, искусства и личной жизни. Оно неизбежно затрагивает также и процессы социализации, индивидуализации, позиционирования и самореализации личности, порождая нетривиальные вызовы, с которыми сталкиваются социальные и гуманитарные науки, философская антропология, как их сердцевина, в первую очередь.

Данная работа, не претендуя на полноту, представляет попытку рассмотрения природы, содержания и перспектив возможных ответов на эти вызовы. В реализации такой попытки используются две концепции. Во-первых, прагмасемантический подход [Zolyan, 2021; Тульчинский, 2022], с позиций которого контексты смыслообразования предстают интерфейсами взаимодействия каскадов социально-культурных практик. И, во-вторых, глубокая семиотика (deep semiotics) как расширение социальной семиотики за счет учета субъектности как источника, средства и результата смыслообразования [Тульчинский, 2019].

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

Вызов коммуникативный: дивергенция смысловых картин мира

Начнем с наиболее очевидного, порожденного особенностями информационно-коммуникативных технологий цифрового формата.

Если информация — некие данные, мера разнообразия, то, что измеряется в битах, байтах, килобайтах, мегабайтах и передается с помощью технических устройств, обеспечивающих информационные обмены, в том числе и с помощью кодировки [Шеннон, 1963], то коммуникация — обмен информацией, осмысленной кем-то и как-то, в каких-то целях и контекстах, она всегда мотивирована — со стороны как источника (адресанта), так и реципиента (адресата).

Принципиальная новизна современной коммуникативной ситуации состоит в том, что цифровые технологии обеспечили невиданные ранее доступ к информации, оперативность и масштаб ее позиционирования. В наши дни практически любой обладатель гаджета имеет возможность не только ознакомиться с массой информации, ранее труднодоступной, но и сам выступить в качестве источника информации или ее интерпретатора. Выражаясь в терминах «глубокой семиотики», можно сказать, что если раньше традиционные медиа (пресса, радио, телевидение) воспроизводили препарированные редакторами и журналистами социальные значения, в определенной степени инвариантно нормативные, и которые переводились в план личностных смыслов реципиентов, то новые медиа представляют в публичном пространстве сами личностные смыслы в виде непосредственно презентуемых эмоционально-оценочных переживаний. Собственно эта ситуация и является питательной средой, бэкграундом «постправды» и «фейков», анализ которых [Золян, Пробст, Сладкевич, Тульчинский, 2021] выводит на первый план ключевые характеристики, факторы и предпосылки теории и практики коммуникации,

прежде всего коммуникативных намерений и стоящих за ними смысловых картин мира, в коммуникации транслирующихся и ею формируемых.

Фейки порождает не только расчетливое манипулирование с целью нанести вред конкурентам в политике, бизнесе, науке, нанести ущерб их делу, имиджу и репутации, но и нераспознанные шутки, поспешные реакции, наивное доверие, непроверенные факты, оскорбленные чувства, стремление привлечь внимание. В намерения может входить нежелательность возможной ответственности за последствия активированной коммуникации. Более того, сами выявляемые намерения — результат реализации намерений аналитика и интерпретатора.

Представления о реальности и «правде» как соответствии ей могут существенно разниться. Каждый блогер, каждый пользователь вносит свой контент, свое понимание и свою правду. Правда на одном уровне рассмотрения способна предстать своей противоположностью на другом. Дело не в фактчекинге. Сами верификация или фальсификация на основе фактографии, как и сама фактография, могут рассматриваться с разных позиций, критиковаться, оспариваться. Даже в естествознании верификация данных зависит от интерпретаций, заложенных в самом языке описания, определяется используемыми методами и инструментами. И тогда фактчекинг, по сути, сводится к соответствию этого контента доминирующей смысловой картине мира — будь то в научной парадигме («теоретической рамке») или национальной культуре.

Смысл всегда обусловлен определенными практиками (фреймами, паттернами), задающими контекст смыслообразования и транслируемого коммуникативного контента. Современные коммуникативные технологии, с одной стороны, дают возможность представления глубокой дивергенции различного уровня практик и паттерном, соответствующих смысловых картин мира. С другой — возможность их пересечения и наложения, когда представления, намерения наслаиваются друг на друга, порождая масштабные трагедии, как в случае с французской школьницей из мусульманской семьи, которая часто прогуливала занятия и однажды соврала своему строгому отцу, что якобы учитель отстранил ее от занятий из-за спора вокруг карикатур на пророка Мохаммеда. Эмоции отца, выплеснутые им в социальных сетях, возбудили радикально настроенных пользователей, один из которых убил учителя, в результате чего мелкая бытовая детская лож разрослась до трагедии международного масштаба.

Возникает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и привязке к социально-культурным практикам. Так, многообразие видов социально-культурных

практик с прагматической точки зрения конкретизируется в концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС), которые определяются: 1) ценностным компонентом (предмета, целей и средств деятельности); 2) нормативным компонентом (правилами, регулирующими осуществление деятельности); 3) способом организации этой деятельности, включая общение. Коммуникация в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества: национальные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры. А сама культура как совокупность ЦРС предстает механизмом порождения и воспроизводства социального опыта, «социальной памяти», «надындивидуальной системой информации», социализации личности как усвоения соответствующих программ социального опыта [Тульчинский, 2022]. В этом плане концепция ЦРС фактически является развитием фундаментальной идеи Г. Фреге о смысле как «способе данности» предмета [Frege, 1892].

Поскольку цифровые технологии коммуникации создают, если не приумножают, конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС, постольку вопрос уточняется как возможность выработки (нахождения) некоего «общего знаменателя» множеств ЦРС. В этом случае мнения, смыслы можно анализировать на предмет соотношения с целями, намерениями, установками, исходными и доминирующими установками. Фактически эта задача может выглядеть заманчивой и с технической точки зрения реализуемой — она сводится к проблеме такого суверенного смыслового «блокчейна», некоей суверенной платформы распознавания и идентификации смыслов с позиций доминирующей смысловой картины мира.

Правда, в наши дни возможны неоднозначные кейсы оценки транслируемого контента. Ироничный шуточный «запрос» в правоохранительные органы в «Живом журнале» может вызывать соответствующую реакцию этих органов, поскольку система мониторинга, построенная на ключевых словах, не различает юмор, сатиру, сарказм, баг... Да и в судебной практике механизм различения серьезного заявления и шутки практически не работает, особенно если при этом выявляется оскорбление чьих-то чувств. Все зависит от достаточно сложной лингвистической и этической экспертизы и последующей интерпретации судом, который может оценкой экспертизы воспользоваться или нет.

Однако, самое главное, решение этой задачи представляется, в принципе, нереализуемым на таком пластичном и динамичном материале, как социальная коммуникация, в которой изначально

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

предполагается субъектность, прокреативность участников. Фактически речь идет об аналоге теоремы Геделя о невозможности полной формализации человеческого знания, в том числе транслируемого в коммуникации.

Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее — ядра коммуникации, то есть в учете личностного фактора.

Вызов этико-правовой: дисбаланс прав/ответственности, социальный контроль vs парресия

По сути дела, как показывает упоминавшийся анализ проблемы фейков и постправды, дело не столько в верификации транслируемого контента, сколько в ответственности за этот контент. Если коммуникация мотивирована, интенциональна, то главным в ней становится вменение намерений, породивших контент. Понимание другого — суть понимание не столько значения используемых им слов, сколько намерений, с какими он вступил в общение.

Такое вменение может оказаться трудно выполнимым. Намерения, как уже отмечалось, могут быть связаны с наивностью, повышенной эмоциональной реакцией на происходящее. А когда дело доходит до судебных разборок, в ответ звучит: «Но я же ничего не утверждал, это было только мое впечатление, мнение, на которое я имею право!». Возникает вилка между правами человека и безопасностью. Фактически современное общество сталкивается с технологически закрепленным дисбалансом прав и ответственности.

Так, в приведенном выше случае со школьницей-прогульщицей ее отец, по его словам, не желал вреда учителю, а только «хотел быть хорошим отцом». Иногда намерения могут тщательно скрываться, как и автор, который может быть вымышлен, обозначен неким псевдонимом, ником. И тогда задача разрастается до выявления источника намерений создания данного контента, субъективации подлинного актора, скрывающегося за реальными и вымышленными авторами. Или в силу возможностей и масштабов вовлечения участников в современные сетевые коммуникации такое вменение оказывается распределенным, что также оказывается задачей достаточно сложной и нетривиальной. Так, в том же случае со школьницей-прогульщицей и убийством ее учителя обвинение было предъявлено 12 лицам: девочке; ее отцу, выложившему свои эмоции в сети; активисту, который сделал из этого целую кампанию; убийце и его друзьям, подвозившим

его до колледжа и знавшим о его намерениях; ученикам колледжа, показавшим за 300 евро учителя постороннему, который не скрывал, что намерен навредить учителю.

Отмеченный дисбаланс остро выявился в коронавирусную пандемию, когда в условиях карантина основным источником информации стал Интернет и в сеть обрушился поток домыслов и слухов, которые вызывали повышенный интерес и внимание, особенно на фоне противоречивых заявлений официальных инстанций.

Усугубляют ситуацию возможности роботизации и алгоритмизации коммуникативных процессов и практик. Начиная с элементарного — с работы поисковых систем, когда часто ограничиваются ссылками на первой странице, что только закрепляет лидирующее место этих ссылок для последующих пользователей, выводя на первые позиции неоднозначный и спорный контент. При этом алгоритмизация формирования, подачи и оценки информации вывела в сеть тысячи и тысячи ботов, которые порождают сегодня более 60% трафика онлайн. И жаловаться, предъявлять претензии в этом случае не на кого и некому.

Благодаря исключительным возможностям информационно-коммуникативного потока, манипулированию им в сочетании с нарушением баланса прав и ответственности возникает агрессивная коммуникативная среда, подпитывающая буллинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни... И в ситуации дивергенции смысловых картин мира, взаимного недоверия, перегретых сетевым самовозбуждением ожиданий достаточно искры...

Поэтому правительства были вынуждены включиться в борьбу с такой ситуацией в форме запретов, штрафов и уголовной ответственности. В большинстве стран мониторинг, контроль контента возложены на онлайн-платформы: если предписания не исполняются, то к ним применяются штрафные санкции. К этим мерам подключаются международные организации, некоторые провайдеры и агрегаторы новостей.

Разумеется, без таких практик запретов и контроля не обойтись. Однако ограничение ими недостаточно, а то и опасно. И они не всегда находят поддержку, а иногда трактуются и воспринимаются как ущемление прав и вызов демократии. Дело не только и не столько во внешнем контроле, который опытные манипуляторы уже научились использовать. Ключевым является баланс между нормативным регулированием и саморегулированием участников современной публичной коммуникации — не только провайдеров, но и самих производителей и потребителей контента. Не стоит забывать, что конфликты (в том числе международные) вызревают сначала в головах и в коммуникации. И если раньше кризисы были обусловлены недостаточностью информации, то

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

в информационном обществе кризис сопровождается (а часто и вызывается) переизбытком информации, транслируемой медиа.

В этой связи ответственность за отбор и критерии достоверности сместились от источника к адресату, реципиенту, который к этому не готов или даже просто не хочет этим заморачиваться. Разрешение конфликтов, преодоление стрессов предполагают нелинейную культуру получения и формирования более полной картины происходящего и его осмысления. И формирование такой культуры еще только начинается.

Поэтому важную роль играет просвещение самих участников коммуникации, ее адресантов и адресатов. Более того, возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам, ответственно ее представляющим. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль играют самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и их аудитории, отдельных пользователей.

Можно говорить о созревании условий пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам [Фуко, 2010]. Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе — ответственности не только за транслируемый контент, не только за последствия его трансляции, но и прежде всего за сам факт взятия слова. Ответственность за взятое слово — вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль.

Таким образом, практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении — как интеграцию социального контроля в правовом и моральном форматах с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации. Но тогда вопрос упирается в саму возможность реализации ответственного самосознания, субъектности как бахтинского «участного мышления». Имеются ли для этого достаточные условия?

Вызов политэкономический

Современное общество массового потребления с цифровизацией практически всех проявлений социальной жизни создает

исключительно комфортную среду — у нас на глазах буквально реализован великий проект гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека! Все на благо человека! Человек есть мера всех вещей!». И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Любая артикулированная потребность может быть удовлетворена. Так комфортно человечество еще никогда не жило. Более того, оставляемые нами на различных платформах, в различных приложениях так называемые большие данные (Big Data) создают возможности упреждения наших желаний.

Эти данные собираются зачастую незаметно для пользователя с помощью цифровых устройств и IoT, будь то на городских улицах, в магазинах, в банках, госучреждениях, на транспорте, в наших собственных квартирах. Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики, манипулирования и контроля. На этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge), регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге [Талер, Санстейн, 2016]. Как замечал Ж. Делез, если простые приспособления и машины породили общества суверенитета, энергетические системы — дисциплинарный социум, то компьютерные технологии — общество контроля [Делез, 2010].

По точному замечанию С.С. Неретиной на одной из конференций, современное общество становится воплощением классических антиутопий: западное общество активно реализует антиутопию «О, дивный новый мир» О. Хаксли, КНР (при поддержке, по крайней мере, ханьской части населения) — замятинскую антиутопию «Мы», а некоторые общества — оруэлловский «1984». Этот ряд можно дополнить реализацией антиутопий А. Платонова и Р. Брэдбери.

Но тогда возникает вопрос: кому и зачем нужен субъект в первом лице, когда все проблемы решаемы за него и без него в третьем лице?

Более того, человек, обстоятельства его жизни, личность, субъектность (самость и аутентичность) стали не только предметом контроля. Сам факт нашего существования, порождающий большие данные, стал новым источником рентного дохода. Пророчески (правда, уже слегка наивно) звучит реплика М. Маклюэна, что индустриальные технологии и рыночные механизмы одновременно преувеличивают и редуцируют поведенческое содержание секса, превращая человека в свой сексуальный орган [McLuhan, 1951: 99]. Маклюэн имел в виду педалирование темы секса в маркетинге и рекламе. Но в условиях цифровизации его метафора реализовалась причудливо буквально. Подобно пчелам, выполняющих роль секс-органа растений, переноса пыльцу, способствуя опылению

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

и росту урожая, человек выполняют роль секс-органа цифровых платформ, фактами своей жизни оставляя следы (Big Data), которые монетизируются. И как пчелы параллельно вырабатывают воск и мед, за которыми приходят пасечник или медведь, так и люди параллельно производят новые технологии и механизмы, которыми пользуются бизнес и государство. К природной, трудовой и сетевой ренте добавилась рента экзистенциальная.

На глазах возникают новые неравенства: по доступности благ и уровню потребления; по уровню информационно-коммуникативной и компьютерной компетентности (владения технологиями); по доступу к соответствующим ресурсам; разработчики и собственники разрабатываемых алгоритмов.

Капитализм — система хозяйствования, принципиально вне- и бесчеловечная, нацеленная на рост капитала, оказалась не только удивительно живучей, пережившей несколько трансформаций. В цифровом изводе его система получает исторически наиболее чистое и полное выражение. К метафоре с пчелами, навеянной Маклюэном, можно добавить метафору Виктора Пелевина в «Empire V», согласно которой миром правят вампиры, которые разводят людей, как муравьи тлей, и питаются вырабатываемым людьми напитком — баблосом, а новых вампиров вербуют из людей, обучая их двум вампирским наукам: дискурсу и гламуру.

Или ситуация подобна поздней Римской империи с ее благополучием, детальными институциями, когда пришедший «варвар» от первого лица поместил закоснелый мир в новый контекст, открывая новые горизонты развития? И угроза ли это?

Вызов метафизический: инорациональность

Вернемся к самой сущности цифровизации. Речь идет о разработке и использовании технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости [Целищев, 2023]. Идея сделанности, реализуемости, вычислимости — магистральный путь цивилизации: «я знаю x постольку, поскольку могу сделать x ». Познать — значит раскрыть «скрытый схематизм» явления (Ф. Бэкон). Искусство как прием (В. Шкловский). Понимание исторического артефакта, явления как реконструкция их возникновения и использования (Р. Коллингвуд). Наконец конструктивизм в основаниях математики, деконструкция как модель понимания и образование как обретение «компетенций» (know how). Вытеснение естественного отбора инжинирингом (продуманным дизайном). Биоинженерия, включая генную инженерию, выведение новых видов. Бионика (киборгизация): совмещение органических и

неорганических систем и подсистем, включая интерфейс мозг–компьютер, «интермозгонет». Перспектива создания неорганической жизни: перехода «с белка на песок» (в смысле перехода с органики на кремний). Все это существенно иные онтология и эпистемология.

Акцент на конструктивности, сделанности меняет логическую семантику. На первый план выходит отношение элемента и множества, определяемого не свойством, объединяющим элементы, а отношениями порождения (генерирования) и части-целого в духе мереологии С. Лесневского. Познание становится не столько «истинным описанием», сколько «эффективным воплощением».

Мир, культура как воплощение цифрового кода — что это? Реализация идей Платона и Пифагора? Срыв в архаику? Отнюдь не экстравагантным выглядит внимание Э.В. де Кастру к «антильскому кейсу» К. Леви-Строса о принципиальном отличии индейской и европейской метафизики. В европейской метафизике природа едина, различаются точки зрения (смыслы, культуры). Выражаясь семиотически — денотат один, смыслы различны. Понять нечто — значит занять точку зрения, позицию. «Не-людям» (животным, прочей живой и даже неживой природе) свойственно «недоразвитое сознание», а людям свойствен мультикультурализм. С позиций индейской («канибальской») метафизики есть единая точка зрения на различное, смысл один, различны денотаты (воплощения). Понять — значит воплотить, занять тело. И мы имеем дело не с различными культурами, а с «мультикультурализмом» [Кастру, 2017]. Индейская метафизика вполне соответствует картине мира, прописанной современными пост- и трансгуманизмом [Феррандо, 2022]. Самообучающиеся (правда, по пока еще разработанным программистами алгоритмам на материале кейсов уже реализованного опыта) нейросети уже не только консультируют и ведут образовательные проекты, выигрывают у чемпионов мира в покер, где есть возможность блефа и манипулирования противником, они способны устанавливать коммуникацию между собой на специально придуманном ими языке, не понятном разработчикам, из-за чего последним приходится останавливать такие проекты. Продолжение же этого тренда чревато тем, что человеку придется вырабатывать институциональные формы существования с наделенными субъектностью «не-людьми».

Или это полное торжество рационализма, доведенное до его крайности, т.е. противоположности?

Вызов антропологический

Большую часть своей истории человек осмыслял окружающий мир, делал его понятным посредством «очеловечивания», уподобления его себе.

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

Инструменты, орудия, аппараты, приборы выступали как органопроекции, продолжатели и усилители тела и рецепторов [Карр, 1977]. В эпоху индустриализации это вызвало нараставший аларм перед экспансией машин: темы Франкенштейна, двойников, роботов в искусстве, предупреждения философов Франкфуртской школы...

Новая сделанность вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». И даже не машиноподобности человека. Его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некоей «мегамашины» — искусственно созданной самодостаточной экосистемы. Это уже проблема не «мозаичного сознания», о котором много писали во второй половине XX века в связи со становлением массового информационного общества. Масштабы и скорости современной коммуникации таковы, что от человека требуется не рефлексивное рассуждение, а «новая животность» — оперативная реакция, причем по не им самим выработанному алгоритму.

84

иначе становится буквально цифровой машиной программирования индивидуального опыта. Однако, если социализированный индивидуальный субъект состоит из тиражированных элементов, то где оказывается «он сам», его субъектность? Изнутри самой системы ответ затруднен. Напрашивается ответ, что «источник индивидуальной уникальности оказывается вне самого субъекта» [Гвоздииков, 2019: 1]. Если человек, его субъектность — часть, опция «машины культуры», то это уже ситуация не столько «Матрицы», когда человек и его субъектность — сырье для порождения реальности, сколько «Соляриса», где человек с его внутренним миром — порождение планетарной целостности. Или порожденная культурой субъектность, эта саморефлексивная противоречивая «странная петля», вступает в «диалогическое» взаимодействие с различными ЦРС культуры, заимствуя их смысловое содержание и способствуя их развитию?

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

Неизбыточность субъектности

Понимание смысла как некоего способа данности, использования предмета, явления мало чем отличает человека от любого живого существа, так или иначе наделенного базовой интенцией стремления к самосохранению, выживанию, продолжению рода, позволяющей ему избирательно ориентироваться в окружающем мире, влиять на него [Dennett, 1998]. Существенным образом ситуация изменилась примерно 700 тысяч лет назад, когда вид *homo sapiens* обрел конкурентное преимущество перед другими пятью-шестью видами *homo*, освоив помимо сигнальной коммуникации нарративную («когнитивная революция» [Харари, 2021]), в которой порождается и транслируется развернутое представление некоего события (акторы, их цели и действия, обстоятельства, последствия) или череды событий. Если сигнальная коммуникация позволяет объединять до 100–120 особей (род, племя), то нарративная — рассказывание историй — позволяет объединять сотни, тысячи, а теперь и миллионы индивидов, верящих общим нарративам. Миф, религия, идеология, история, мораль, право, образование, экономика, деньги — все это не что иное, как нарративы, в которые мы верим, которые задают смысловую картину мира, задают ориентиры в наших действиях, помогают выстроить мотивацию и в поступках — преобразовать реальность, воплощая эту картину мира.

Эта способность к осмыслению, смыслообразованию породила колоссальные возможности пластичности поведения, расширения горизонта прошлого и будущего — всего того, что сейчас

называется прокреативной преадаптацией [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Киященко, 2022]. Более того, в процессе социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых коммуникацией, возникает не просто сознание, а самосознание, когда ребенок к третьему году жизни осваивает не только и не просто речь, но именно наррации от первого лица. Той или иной формой телесной выделенности в потоке взаимодействия с окружающим миром (proto self) обладают все живые существа, а тем более животные с развитой нервной системой и головным мозгом с их способностью к активной избирательности поведения (core self). Но только у человека возникает самосознание (autobiographical self), способность к памяти как писанию (и переписыванию) «романа» своей жизни, автором и главным персонажем которой выступает сам индивид [Damasio, 2010; Henrich, 2007]. Для представлений этого феномена используется много концепций: самосознание, память, Я, самость, субъективность, вменяемость. Одно из самых недавних и весьма операциональных является «странная петля» (strangle loop) [Hofstadter, 2007], уподобляющая самосознание ленте Мебиуса, самозамыкающей социализацию и индивидуализацию, внутреннее и внешнее бытие личности в ее сознании. Однако в нашем дальнейшем изложении будет использоваться термин «субъектность» — он позволяет представить не только уникальное своеобразие «странной петли», но и ее носителя как активного действующего ответственного актора. Именно с субъектностью связывается проявление свободы воли.

И в этой связи — об ответственности. Обычно ответственность рассматривается как следствие проявления свободы воли, которой наделена субъект, — на этом строятся обыденные, теоретические и нормативные представления творчества, морали и права. Свобода как чувствилище трансцендентного, способность выхода за рамки имманентного — тема слишком широкая и хорошо известная, чтобы детально в нее погружаться в данной работе. Однако, если бы был возможен спор между Н.А. Бердяевым, Ж.-П. Сартром, трактовавшими свободу как «дыру в бытии», а ответственность — как следствие свободы, с одной стороны, и М.М. Бахтиным, утверждавшим вторичность свободы от ответственности, изначального «не-алиби» человека в бытии, а сознания, разума как меры и глубины ответственности, с другой, то, похоже, прав бы был Бахтин. И с этим согласится любой родитель, учитель, воспитатель, тренер. Как уже говорилось выше, социализация сопровождается нарративной коммуникацией, в которой другие грузят нас ответственностью. «Это не чашка упала. Это ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Это ты сделал». В этом

заключается смысл воспитания, образования, освоения профессии — нас вырывают из причинно-следственных связей, замыкая причины на нас, делая нас *causa sui*. Собственно вторичность свободы от ответственности подтверждается и нейрофизиологическими исследованиями [Libet, 1985; Wegner, 2002], о результатах которых, по мнению Перебума, не стоит рассказывать всем людям, но нужно быть к ним терпимее [Pereboom, 2001]. Речь идет о том, что между реакцией на некий стимул и осознанной реакцией имеется зазор от нескольких десятых секунды до нескольких секунд. Это означает, что наша мотивация сплошь и рядом есть поздняя (иногда оправдывающая) рационализация реакций организма. Другими словами, на коротких интервалах времени действует каузальность, а не свобода воли. Но на длинных интервалах включается самосознание, выстраивающее осмысленную картину мира и ориентиры для последующих действий.

Знал ли Д. Перебум, что он фактически перефразировал Ф. Ницше, считавшего, что свобода, мораль и право выдуманы, чтобы оценивать и судить? В любом случае, да, субъектность, самосознание самости — результат социализации и освоения нарративной коммуникации. Да, свобода то же эпифеномен культуры, «гружения» ответственностью в процессе ее освоения. Но это не отменяет факта возникновения «странной петли» самосознания и роли субъектности в поступках. Она проявляется и выражается не только и не столько в простых реакциях и рутинном поведении, сколько в поступках — деятельности не по предзаданному алгоритму.

Да, смысловые картины мира закрепляются в культурных практиках, соответствующих ЦРС, о которых говорилось выше. Но динамика смыслообразования и соответствующих ЦРС (тем более в их цифровом изводе) предполагает разнообразие точек зрения, которые в глубокой семиотике связаны с оценочными отношениями и эмоциональными переживаниями. Поэтому смыслообразование начинается даже не в «диалоге культур». Всякая культура как составляющие ее ЦРС самодостаточна, нормативна, и ни в каком «диалоге» не нуждается. В диалоге нуждаются люди — существа не самодостаточные, открытые к обменам (веществ, товаров, знаний). Человек конечен и осознает свою конечность. Он испытывает эмоции, которые могут быть обусловлены состоянием организма, ситуациями, в которые человек попадает. Именно эмоционально окрашенные переживания являются источником смыслообразования. Этим, своей эмоциональной настроенностью и рефлексией, он отличается от машины, которая может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы — сбой

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

в программе. А человек сбоят постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из ресентимента.

Это делает человеческие слабости преимуществом. Важно не просто сознание (оно моделируемо в третьем лице), а способность мыслить, осознавать себя и Другого, то есть самость субъектности в первом лице, выступающая универсальным интерфейсом прагмасемантики смыслообразования, позволяющим переходить из контекста одной ЦРС в другие, менять соответствующие интерфейсы, реализуя упомянутую прокреативную преадаптивность. И это ценит продвинутый работодатель, если он заинтересован в развитии. Так, во время 30-минутного собеседования при поступлении на MBA в Harvard business school задаются вопросы типа: «Объясните мне, над чем Вы работаете, как будто я восьмилетний ребенок», «В чем Вы никогда не сможете добиться успеха и быть так же хороши, как другие?», «Чем Вы хотели бы запомниться?», «Как Вы принимаете важные решения?», «Какой самый непростой вопрос задавали Вам?». Все эти вопросы фактически суть тест на развитую субъектность, способность рефлексии над интерфейсами контекстов. Это выводит на первый план не просто знания и навыки, а способность к критическому мышлению, выявлению проблем, их нестандартному решению.

Возникает перспектива технологически закрепляемого неравенства и расслоения социума по степени и качеству осмысления бытия. С некоторой степенью возможности выбора позиции. Во-первых, вмняемое самосознание самости, субъектность — позиция не всегда комфортная. Во-вторых, выбор комфорта цифровых платформ — человека-опции, «секс-органа» этих платформ. И, в-третьих, нахождение в неупорядоченном потоке, «новая животность» реагирования на внешние стимулы.

Ergo

Современная коммуникация отчетливо технологически закрепила две тенденции: дивергенции смысловой картины мира и возможности презентации личностного ее выражения. Показательно, что рассмотрение порождаемых этим трендом вызовов приводит к проблеме вмняемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии, в политэкономическом вызове — в экзистенциальной ренте, в метафизическом — в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности. Наиболее полно это выражается в антропологическом вызове — перспективах расслоения социума

в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности.

Это, как представляется, порождает новый запрос на гуманитарное знание, к которому гуманитарии не очень готовы. Речь идет о комплексной гуманитарной экспертизе не только и не столько последствий реализации новых технологий, но и целей их разработок, содержания и хода этих разработок, а также процесса их внедрения, включая участие в этих процессах.

Meaning, Subjectness and Responsibility in Digital Communications

Grigorii L. Tulchinskii

DSc in Philosophy, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation.
National Research University "Higher School of Economics".

16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190008, Russian Federation.
Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Alexander Nevsky Str., Kaliningrad 236041, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-5820-7333

gtul@mail.ru

Abstract. Meaning, comprehension and sense formation, subjectness as a responsible self-consciousness and action form the core of human being provided by communication. This paper contains an attempt to answer the question — what do digital communication formats change in this core. There are used the concepts of pragmasemantics and deep semiotics, which allow concretizing the role of socio-cultural practices as meaning-formation interfaces, as well as showing the role of subjectivity as a source, means and result of meaning-formation. The challenges to social and humanitarian knowledge generated by digitalization are systematically considered. It is significant that the consideration of each of the challenges leads to the problem of sane subjectivity. Thus, the analysis of the ethical and legal challenge leads to the need to further clarification of the relationship between control technology and personal parrhesia, to overcome the imbalance of rights and responsibilities. Consideration of the political economic challenge reveals the fact of the emergence of existential rent and, in this regard, new inequalities, perspectives for a new stratification of society. The metaphysical challenge shows the emergence of a human-option and "non-human" subjectness — with the prospect of building a social reality between these two poles. The anthropological challenge opens up prospects for stratification depending on the degree of acceptance and implementation of responsible subjectivity. Thus, the conducted analysis shows the non-eliminable role of subjectness as an integral interface of meaning formation and a key factor of procreativity and pre-adaptation, which ensured and continue to provide the development of civilization. This positions humanitarian knowledge in a new way, the demand for it, and sets

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

also the task of institutionalizing a complex humanitarian expertise not only of the consequences of new technologies, but of the stages of their design, development and implementation.

Keywords: deep semiotics, culture, responsibility, pragmasemantics, pre-adaptation, pro-creativity, meaning, social communication, subjectness, value-regulatory systems, digitalization.

For citation: Tulchinskii G.L. Meaning, Subjectness and Responsibility in Digital Communications // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 73–92. DOI: 10.31857/S023620070026106-3

Литература/References

- Асмолов А., Шехтер Е., Черноризов А. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
- Asmolv A., Shekhter E., Chernorizov A. *Preadaptatsija k neopredeljonnosti: Nepredskazuemye marshruty evoljutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow: Akropol Publ., 2018.
- Гвозди́ков Д. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности // *Логос*. 2019. Т. 29, № 6. С. 1–17.
- Gvozdikov D. Skholastika dlja instagrama: k tsifrovoj antropologii sovremennosti [Scholasticism for Instagram: towards the digital anthropology of modernity]. *Logos*. 2019. Vol. 29, N 6. P. 1–17.
- Гэллоуэй А.Р., Такер Ю., Маккензи У. Экскоммуникация. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
- Galloway A.R., Thacker E., Mckenzie W. *Ekskommunikatsija* [Excommunication]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2022.
- Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2010.
- Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of meaning]. Moscow: Akademicheskij projekt Publ., 2010.
- Золян С.Т., Пробст Н.А., Сладкевич Ж.Р., Тульчинский Г.Л. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / под ред. Г. Тульчинского. СПб.: Алетея, 2021.
- Zolyan S.T., Probst N.A., Sladkiewicz Z.R., Tulchinskii G.L. *Fejki: kommunikatsija, smysly, otventstvennost'* [Fakes: communication, meanings, responsibility]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2021.
- Кастру Э.В., де. Канныбальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем, 2017.
- Castro E.V., de. *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststruktutnoj antropologii* [Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2017.
- Киященко Л.П. (ред.) Человек как открытая целостность. Новосибирск: Академиздат, 2022.
- Kijashchenko L.P. (ed.) *Chelovek kak otkrytaja tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., 2022.
- Лотман Ю.М. Семосфера. СПб.: Искусство, 2010.
- Lotman Y. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2010.

Талер Р., Санстейн К. *Nudge: Архитектура выбора*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Taler R., Sunstein K. *Nudge: arkhitektura vybora* [Nudge: Choice architecture]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016.

Тульчинский Г.Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 6. СПб.: ИТМО, 2022. С. 9–23.

Tulchinskii G.L. *Pragmasemantika tsifrovyykh kommunikatsij: smyslovye kartiny mira, tsennostnoregulativnye sistemy i otvetstvennost'* [Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Pictures of the World, Value-Regulatory Systems and Responsibility]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede*. Iss. 6. St. Petersburg: ITMO Publ., 2022. P. 9–23.

Тульчинский Г.Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115–125.

Tulchinskii G.L. *Rasshirenie vozmozhnostej semioticheskogo analiza: istochniki i sodержание kontseptsii "glubokoj semiotiki"* [Expanding the Possibilities of Semiotic Analysis: Sources and Content of the Concept of "Deep Semiotics"]. *Voprosy filosofii*. 2019. N 11. P. 115–125.

Тульчинский Г.Л. Тело свободы: Ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетея, 2019.

Tulchinskii G.L. *Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla* [The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2019.

Феррандо Ф. *Философский постгуманизм*. М.: ИД Высшей школы экономики, 2022.

Ferrando F. *Filosofskij postgumanizm* [Philosophical Posthumanism]. Moscow: ID Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2022.

Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010.

Foucault M. *Rech' i istina. Lektsii o parresii (1982–1983)* [Speech and truth. Lectures on Parrhesia (1982–1983)]. Moscow: Delo Publ., 2010.

Харари Ю.Н. *Sapiens: краткая история человечества*. М.: Синдбад, 2021.

Harari Y.N. *Sapiens: kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad Publ., 2021.

Целищев В.В. *Алгоритмический ум*. М.: Канон+, 2023.

Tselishchev V.V. *Algoritmicheskij um* [Algorithmic mind]. Moscow: Kanon+ Publ., 2023.

Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

Shannon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike*. [Works on information theory and cybernetics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1963.

Damasio A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon., 2010.

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

- Dennett D.C. *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*. Cambridge: MIT Press, 1998.
- Frege G. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. P. 25–50.
- Henrich D. *Denken und Selbstsein: Vorlesungen Über Subjektivität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007.
- Hofstadter D.R. *I Am a Strange Loop*. New York: Basic Books, 2007.
- Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten*. Braunschweig: Georg Westermann, 1877.
- Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8, N 4. P. 529–566.
- McLuhan M. *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. New York: The Vanguard Press, 1951.
- Pereboom D. *Living Without Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Wegner D. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Zolyan S. On pragma-semantics of Expressives. Between words and actions. *Studies at the Grammar-Discourse Interface*, ed. by A. Haselow, S. Hancil. Amsterdam: J. Benjamins Publ., 2021. P. 245–271.